

18+

Эдуард Билак

Экспонат

Сборник
непредумышленных
историй

Эдуард Билак
Экспонат. Сборник
непредумышленных историй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67256727
ISBN 9785005609410

Аннотация

– Полностью верить рассказанному, конечно, нельзя.— А частично?— Да кто ж частично в это поверит?О будничности невероятного, происходящего вокруг нас, эти истории.

Содержание

Бочка	5
Враль	19
Катастрофа	43
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Экспонат Сборник непредумышленных историй

Эдуард Билак

Корректор Алексей Леснянский

Дизайн обложки Ольга Третьякова

© Эдуард Билак, 2022

ISBN 978-5-0056-0941-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бочка

Утро обычного субботнего летнего дня ничем примечательным быть не обещало. Всю рабочую неделю было жарко. Жара накапливалась, наступила долгожданная суббота, а дождя как не было, так и нет. Окна с ночи во многих квартирах были открыты, но легче от этого не становилось. Прогрелось все: асфальт, кроны тополей, крыши домов, и даже сквер, заросший поникшей от жары сиренью, прохладу не дарил.

Разбудил меня звук подъезжающей машины. Старой машины. Грузовой. Третий этаж над магазином не лучшее место для проживания (при открытых-то окнах). Чем-то они там брякали, чего-то там разворачивали, перебранивались, что-то куда-то ставили, потом услышал, как один другому скомандовал тянуть шланг к магазину. Еще не до конца проснувшись, ласково вспомнилось детство и такие же звуки, частенько будившие дом и в выходные дни. Сон уже миновал точку возврата. Приходилось вставать. За окном все еще продолжалась неведомая мне жизнедеятельность. Слышно было, как завелся двигатель грузовика, по звуку – старый ЗИЛок. С трудом переключилась с характерным лязгом передача, двигатель стал набирать обороты, затем на второй он тронулся. Подошел к окну. Глянул. Действительно пятьдесят третий. Бортовой допотопный кузов. Удивился: «Ездят ведь еще... и не подумал бы». Высунув голову из ок-

на, увидел внизу стоявшую квасную бочку. Видно, ее-то он и прикатил. Пошел в ванную. Сполоснул теплой, прогретой в кране водой лицо и принялся чистить зубы. Просыпался мозг. Неохотно. По-субботнему лениво. Что-то было в этом мире не так...

Бочка!!! Квасная! Я прямо с зубной щеткой к окошку и ринулся. Высунулся аж по пояс. Желтая. «Квас», – коричневыми буквами. Шланг из открывшегося в восемь магазина. Шланг, закрученный в месте соединения проволокой, сифонил маленькой, еле заметной струйкой воды, тут же собравшейся в лужицу и плавно стекавшей ручейком в ближайшую ливневку. Все это было отчетливо видно, и еще тент, установленный рядом с бочкой. Выгоревший на солнце. Брезентовый. Стандартный торговский тент. И табуретка. Обыкновенная. Деревянная. На которой обычно сидят продавщицы живительного в такую жару кваса. Именно табуретка и убедила меня в реальности происходящего. Мучительно захотелось кваса. Бочкового, из стеклянной пол-литровой кружки...

Квас, конечно, продавался. В любой таре и любого разлива, как и пиво. Но чтоб так, из бочки... Даже не пытался вспомнить, когда я его покупал из бочки-то... Решил сходить и купить, как раньше, три литра. Благо, что день обещал быть таким же жарким, как и предыдущие. На сборы времени ушло немного. Побрил режимно лицо, нашел на кухне трехлитровую банку, крышку под нее, пакет. Шорты, фут-

болка и сланцы соответствовали погоде. Мобилу брать с собой не стал. Какой дурак мне в субботу в девятом часу звонить будет? Да и некуда ее. В одном кармане шорт ключи, в другом – деньги. Вернулся к окну, выглянул. Стоит бочка чин по чину... и пара человек уже создают очередь. Значит, не мерещится. Двинулся к цели.

Сбежав по ступенькам с третьего этажа, чуть впопыхах по детской памяти не саданул плечом подъездную дверь, как раньше, – нараспашку, да чтоб с грохотом хлопала на весь подъезд... Дверь была с магнитным ключом и доводчиком, потому не хлопала и плечом с радостью не вышибешь... Степенно вышел...

На лавочке дежурство вели две пенсионерки: баба Лида и баба Лида-2.

– Куда тебя, милок, в такую рань? Суббота ведь...

– Им, молодым, все неймется...

– Квас привезли. Бочковой. Хоть и рано, а уже очередь собирается. Пойду возьму, пока народ спит, – помахал пакетом с банкой для убедительности.

– Какой квас?

– Бочковой. Как раньше. Из окна увидел.

– Да откуда ж? А мы и не слыхали.

Хотел сказать «от верблюда», не стал. Не простят. Внесут в негласные списки плохих соседей и, что бы по дому впоследствии ни случилось, будут, как американцы, искать мой след. Тем более их не переговоришь. Пошел своей дорогой

(то есть вокруг дома) ко входу в магазин.

В очереди стояло уже четыре человека, я стал пятым. Уяснил для себя: я – не самый быстрый и не самый рано встающий по субботам. Буквально следом подошла еще пара человек: интеллигент в очках, на вид мелкий менеджер, так и не сделавший карьеру, и мужик опасного взъерошенного вида. Мужик был с похмелья – к маме не ходил. Вид имел пока унылый. Но мужик был здоров телом, средней могучести, могущий сгибать гвозди и подковы. Менеджер покосился на здоровяка, видно, осмысливая, куда ставить ноги, чтобы не отдавили.

Нарисовалась баба Лида в косыночке, с бидончиком. С эмалированным. Раритетная вещь темно-коричневого цвета внушала уважение своим долголетием.

– Я вот за этим занимала.

Она ткнула меня в бок кулачком. Крепеньким, цепким кулачком. Из такого газету «Правда» не вырвешь, да и колбасу, доставшуюся по талонам, тоже вряд ли. Социалистический кулачок... Видя, что я молчу, ткнула для пущей убедительности еще разок:

– Скажи им, милоч.

Я отодвинулся и молча покачал головой в подтверждение. Правда, и так оспаривать присутствие бабули на этом месте никто не решился. Благодушные субботнего утра было повсеместным.

Молчать, стоя в очереди, баба Лида не собиралась.

– Недаром говорят, что социализм возвращать будут и союзные ценности. Вот с малого и начинают. Квас вот бочковой вернули. – Слово «социализм» было произнесено без ц – социализм. – Еще слышала, республики бывшие тоже обратно нашими будут и в Гагры можно будет без визы ездить.

Я посмотрел внимательно на бабу Лиду. Она что, в Гагры собралась?

Люди подходили, вставляли степенно в очередь. Кто с какой посудой, а то и вовсе без оной. Видать, просто попить квасца с кружки. Молодых почему-то не было. Спали, что ли? Суббота ведь. Люди старшего и среднего возраста.

Магазин, как и дом, были ровесники. Где-то пятидесятих годов постройки. Сталинка. С неменяющейся надписью «Продукты», выложенной кирпичом прямо по фасаду. В дверях магазина появился грузчик. То, что это был грузчик, сомнений не вызывало. Грузчик был в халате. Застегнутом, выгоревшем рабочем халате. Таких уже не производят. Из-под халата видны были бесформенные брюки цвета хаки, заправленные в кирзовые сапоги. Странно, но сапоги были на удивление чистыми и даже по виду не запылившиеся. Рукава халата, надетого на голое тело, были закатаны, две верхние пуговицы на нем были расстегнуты, и в открывшемся пространстве выглядывала буйная поросль волос. Руки были тоже волосаты. Из нагрудного кармана халата выглядывало полпачки «Беломора». Грузчик был высок, жилист. Венчало это сооружение рабочего класса кеп-

ка неопределенного фасона, несуразно прилепленная к его голове. Он встал рядом с дверным проемом и облокотился о стену. Вид имел нагло-ленивый, как аристократ в опере. На какое-то время на него отвлекла свое внимание вся очередь. Ему – хоть бы хны... Лениво пошарив в кармане брюк, выудил оттуда пачку «Винстона», зажигалку. Закурил. Очередь утратила к нему интерес. Хотя, имея в кармане «Беломор», закуривать «Винстон»... что может быть страннее? Смотря на него, вспомнил работающего как-то по случаю с нами плотника. Всегда имел с собой пару пачек сигарет. Модные и «Приму». Если у него пытались стрельнуть сигаретку, протягивал пачку «Примы». Когда же на это просили дать те, которые курил сам, философски замечал: «Человек, который действительно хочет курить, курит то, что дают, а не то, что курят другие. Не очень-то, видать, тебе и надо...» И убирал «Приму» обратно. Допустил, что грузчик, возможно, руководствуется этим же принципом.

Менеджер, маясь от тоски, решил разнообразить себя хоть чем-то... Обратился к грузчику:

– Любезный, подскажите, когда будет продавец? Это неприлично, когда столько народу дожидается одного человека.

– Я здесь первый день. Не в курсе. Как наманикюруется, так и будет.

– Знаете, нетрудно ведь и к вашему начальству сходить. Взбодрить, так сказать.

– До моего не доберетесь. Не того полета птица. – Грузчик, сказав это, грациозно стряхнул пепел с дымящейся сигареты.

Видя такое пренебрежение к своей персоне и угрозам в адрес какого-либо начальства, менеджер начинал «закипать», то есть бухтеть больше.

– Я вот ведь могу взять и позвонить в Роспотребнадзор и пожаловаться. Потребовать проверить документы и сертификат соответствия этой вот бочки и предписанных санитарных норм. И укатят вашу бочку с квасом туда, откуда и прикатили.

– Жалуйся, – грузчика это нисколько не колыхнуло.

Подошедшего же вместе с менеджером мужика (похмельного страдальца) и вставшего за ним – очень даже... Видно, перспектива остаться без напитка ему не улыбалась.

– Я тебе прямо сейчас сертификат соответствия оформлю. С печатью. С лица долго не сойдет, – при этом покрутил перед ошарашенным лицом менеджера кулаком. Кулак у него был размером с маленькую спелую дыньку. – Тут люди с «бадога» решили глотку сполоснуть, чтоб хоть как-то до открытия винного продержаться, а он – «потребнадзор»... Будет тебе «потребнадзор» на один глаз меньше.

Бабе Лиде до всего было дело:

– Ты, милочка, не маялся бы с похмелья-то. Подойди к грузчику. Покумекай. С уважением так... глядишь, сподобится и выручит чем. Мой-то покойный завсегда у грузчиков спасение находил. Царство ему небесное...

(Как он попал в царство небесное при его частых желаниях похмелиться, я у бабы Лиды спрашивать не стал. Сам догадался – грузчики и помогли, наверно.)

Грузчик, скорее всего, этот диалог слышал, но, как говорится, и ухом не повел. Меланхолично докуривал сигарету.

– Не стой. Иди. Он ведь на перекур вышел. Докурит сейчас и уйдет опять тару таскать. Где ты его найдешь? – баба Лида, видно, в память о покойном муже решила наставить на путь истинный похмельного мужика, размышлявшего о чем-то своем наболевшем.

– Я не уйду. Я за бочкой присматриваю, пока никого нет, – грузчик все слышал, и ответ был более чем ясен для всех стоящих.

– Это и понятно. Стоять и смотреть – это не мешки ворочать, – неугомонный менеджер вставил, как ему казалось, свое веское слово. За что тут же перед его носом оказался дынькообразный кулак. Без слов были продемонстрированы намерения его применения. Выражение лица у показывающего сменилось из страдальческо-похмельного на агрессивно настроенное. После необходимой для осмысления паузы кулак был от лица предполагаемой жертвы убран. Владелец же не торопясь направился к грузчику.

Люди, прошедшие в жизни огонь и воду, а также много печальные медные трубы, понимают друг друга с полуслова. Они лишь вполголоса перекинулись парой слов, и грузчик исчез в дверях магазина. Его место занял подошедший. Вид

у него был еще тот... поэтому по внешнему антуражу ничего не поменялось. Только не было халата и кирзачей...

Подошла совсем молодая парочка. Судя по всему, топали на пляж. Плед, сумка с чем-то через плечо. Одеты совсем легко: шорты + сланцы. Шорты + сланцы + топик. Она, подходя, аж запрыгала:

– Славик! Славик! Смотри, как прикольно. Бочка с квасом. Я такую в киношке видела. Сфоткай меня на фоне очереди и бочки. Я в «Инстаграм» сброшу. Напишу, на машине времени в Союз вернулась.

Славик был более реалистичен:

– Ага. У одного мобильник в руках, у другого наушники из ушей торчат. Думаешь, кругом дураки?

– Славик, тогда на фоне бочки. Ну Сла-ави-ик.

– Хорошо.

Девчушка весело стала позировать перед бочкой обыкновенной квасной. Затем уселась на табурет.

– Славик, теперь, будто я – продавец.

– И кому ты продаешь?

Выручила их баба Лида. Подошла в своей косыночке с бидончиком. Встала рядом.

– Вот, милоч, так будет красивше.

(У нее что не представитель мужского пола, все – милоч. Будто других эпитетов не существует.)

Славику бабушка понравилась, его девушке тоже.

Вернулся грузчик из магазина.

– Табуретку не занимайте.

Весело смеясь, бросив очереди: «Всем спасибо», парочка их покинула.

Грузчик и страждущий отошли на приличное расстояние, но в пределах видимости бочки. Не торопясь чего-то там раскупорили и так же не торопясь стали выпивать.

– Хоть бы постеснялись. В общественном месте... – менеджер был неисправим.

– Ты, когда он вернется, ему это скажи. Усовестить его, – баба Лида произнесла это вроде и без подкола, но при этом, как передернуло менеджера, надо было видеть. На этот раз баба Лида «милок» не сказала.

Время тянулось своим чередом. Уже вовсю вслед за начинающим припекать солнышком стали летать вялые мухи, и стоять, глядя на окружающий мир, становилось не очень уютно.

– Сколько стоим-то уже?

– Да минут сорок.

– За это время можно бабу уговорить и трахнуть, – бросивший в общество эту фразу мужик перевел тему в более оживленное русло обсуждения. Послышались смешки, дополнения, много это или мало в данном случае, и на какое-то время все смирились с тем, что продавца еще нет.

Вернулся грузчик-аристократ, с ним, соответственно, и стоящий в этой очереди мужик. Лицо у него на этот раз было как после посещения церкви. Просветленным. Он по-

смотрел на менеджера. Менеджер подобрался, видно, приготовился бежать.

– Ты на меня внимания не обращай. Я – добрый. Похмелье, оно доброту губит... – произнеся это, он положил ладонь на плечо менеджера и немного ее сжал, давая понять, что все в прошлом и что не стоит от этого впадать в уныние.

Менеджер криво улыбнулся. И помотал головой. Что он этим хотел показать, осталось загадкой. Но плечо его от руки освободилось. Он остался стоять, боясь пошевелиться. Просветленный мужик, выполнив миссию миротворца, ушел в астрал. С задумчивостью на лице стал смотреть куда-то вдаль. Ему было уже хорошо...

Тут-то и подъехал минивэн. Встал неподалеку. Дверь отъехала в сторону, и оттуда, смеясь и жестикулируя, высадилась компания достаточно пестрых персонажей. Там был мужчина сухощавого телосложения, одетый в бриджи, гавайскую яркую рубашу, панаму и солнцезащитные очки. Все суетились вокруг него. Две верткие, как и он, пестро одетые дамочки что-то щебетали ему одновременно, и пара мужчин: один высокий и сутулый, второй – колобок колобком, низенький и кругленький. Прямо Штепсель и Тарапунька... То, что мужик в гавайке был центровым, было видно сразу. Во всей суете, которая образовалась при посадке, он один оставался спокоен.

– Вот и начальство пожаловали, – резюмировал приезд

минивэна грузчик.

— Как видите, Игорь Анатольевич, все уже на месте, а вы беспокоились, — донеслась до очереди фраза одной из сопровождающих начальству «колибри».

— А где остальные? Где? — начальство было чем-то недовольно.

— Они застряли в пробке, сейчас будут. Только отзванивались, — «колобок», сказав это, достал носовой платок и вытер им шею и лоб. — Жара уже достала, — ни к кому не обращаясь, произнес он, убирая его.

— Вы, Осип, смеетесь? В субботу пробка? Откуда?

— Все едут на природу. Дома кто хочет по жаре сидеть?

— Может быть... — начальник пошел к бочке с очередью.

Очередь на время притихла. Подойдя ближе, пошел вдоль самой очереди.

— Эти-то все здесь. Без пробок добрались.

Очередь молчала. Он, проходя мимо, изучал ее, она — его. Дойдя до хвоста, вернулся в ее начало.

— Вот вы, — он ткнул пальцем, — как вас зовут? — обратился он к стоящей бабе Лиде.

— Лидия Павловна, — скромно так она ему отвечает.

— Вы будете стоять вот за этим мордоворотом, — он беззастенчиво ткнул пальцем в похмелившегося мужика. — А вы, — он уже обратился к стоявшей передо мной женщине, — вообще идите в конец очереди. У вас лицо некрасивое.

Зря он бабе Лиде место в очереди указать решил. Она

столько очередей пережила, что ему и не снилось. И бабе этой тоже зря сказал. У нее стало багроветь лицо и глаза заволакиваться гневом. Он же как ни в чем не бывало продолжил:

– Пусть мордоворот покажет кулак... ну хотя бы этому, – он ткнул пальцем в менеджера. – Я хочу посмотреть.

– Ему я уже показывал, вот тебе – нет! – рывкнул вышедший из астрала крепыш.

– Ты чего тут из себя корчишь, очередь двигать? Тебя здесь в помине не было, когда люди уже стояли. И женщину оскорбил. Она тебе кто? Некрасивая... красавец писанный выискался. Иди встань в конец очереди и стой там, пока не дойдешь досюда, – баба Лида от нахлынувших на нее чувств прямо помолодела на глазах. Распрямилась и, размахивая бидончиком, пошла в наступление.

Некрасавица, багровея еще больше, стала заходить к оскорбившему ее с фланга, переложив сумку из одной руки в другую. Ожил и менеджер:

– Где продавец? Где, вы нам скажите, продавец? Мы тут битый час паримся у этой бочки. А продавца все нет.

Очередь заволновалась. Гвалт поднялся невообразимый. Мужик в гавайке оказался шустрым, увернувшись от бидончика бабы Лиды и отпрыгнув от сумки некрасавицы, он истошным голосом возопил:

– Да что здесь происходит, черт побери? Кто-нибудь мне объяснит?

Две «колибри» и «Штепсель» с «Тарапунькой» кинулись к нему на помощь. Чем еще больше увеличили всеобщую суматоху.

Смотря на это все, мне вдруг показалось, что это сцена из кино. Плохого, несмешного кино. КИНО!

Я аккуратно отошел от очереди и стал обходить бочку, внимательно ее осматривая. Дверца. Замок навесной на ней. Табличка из картонки с надписью «Сейчас буду». Сама бочка с надписью «КВАС». Прицепное... На прицепном на клепках маленькая алюминиевая табличка «Реквизит киностудии, инвентарный номер 250565».

Подъехал автобус. Посигналил. Двери с шипением распахнулись. Оттуда стали выходить люди. Мужик здоровенного телосложения, очкарик вслед за ним, еще пара ничем не примечательных личностей, затем вышла бабуля, как две капли воды похожая на бабу Лиду, только бидончик был темно-фиолетовым. Немую сцену, следовавшую за этим, я не досматривал! Я пошел в магазин мимо хохочущего грузчика, оказавшегося статистом. Я все-таки решил взять кваса. Пусть не бочкового, но естественного брожения, как было написано на этикетке трехлитровой пластмассовой тары. Было жарко, было обидно за потерянный в очереди час жизни и что «социализм» бабы Лиды оказался всего лишь эпизодом чьего-то кино.

Враль

Я со своей будущей женой трудно знакомился. Она девушка была бойкая, веселая, умела не только разговор поддерживать, но и была остра на язык, что для мужского самолюбия черта, так сказать, не очень. Ведь, если отошьет при знакомстве, то уж дальше и желание общаться может не появиться. А она мне сразу приглянулась.

В соседях оказались по дому, в который я переехал при обмене квартиры. Вернее, не я, а родители. Да и неважно это. Важно, что, проходя двором с работы, я вечерами часто видел сидящую компанию. И, судя по веселым разговорам, которые доносились и были слышны мне при открытой на лето лоджии, она у них была заводилой. Сам же я парень не то чтобы необщительный, скорее, наоборот, но вот с первыми знакомствами мне не очень везет. Еще и с девушками. Буксую попервоначалу. Потом, конечно, нет, а вот только что...

Моя лоджия выходила в самый раз на то место, где они тусовались – на пару лавок в тени больших дворовых лип. По этой причине мне приходилось жить за тюлевыми занавесками и шторами. Я без них был весь на виду вместе с моей жизнедеятельностью. Грешным делом казалось, что предыдущие хозяева квартиры из-за этого и согласились на неравнозначный обмен жилья. Правда, комнату себе родители мои выбрали с окнами на противоположной части здания.

И вот столкнулся я с проблемой: девушка мне нравится, смотреть и слышать я ее могу только через скрывающую меня от внешнего мира тюль. Чтобы заинтересовать женщину, надо хоть немного поразить ее воображение и возбудить ее любопытство. И как прикажете это сделать, если я даже не курю, чтобы, к примеру, подойти к компании и спичек попросить. Или выпить и с бутылкой подойти, попросить тебя в ее распитии поддержать. Чужих в компании не любят, в любых причем компаниях, это закон дворовый. Чтобы стать своим, надо, чтобы тебя познакомил со всеми кто-то из этой же компании. Для знакомства нужен повод, желательно такой, где ты смог бы какое-то время вести диалог, а там уже все зависит от того, как ты умеешь его вести.

Как голову ни ломал, додуматься ни до чего путного не мог. И еще лето уже заканчивалось: пойдут дожди, на лавочках вряд ли засиживаться будут. Обыкновенная муха, залетевшая как-то в мою комнату и усердно жужжащая, подарила мне идею, как я все-таки могу познакомиться не только с кем-либо из компании, но, возможно, и с объектом моего интереса непосредственно. Муху выгонять я не стал, она теперь была мне просто необходима для осуществления плана знакомства.

Вечером следующего дня, когда вечерние сумерки уже стали прятать двор от лишних глаз, а оконные освещенные проемы стали театральными подмостками для сидящих во дворе, я распахнул тюль и стал с усердием, достойным

лучшего применения, пытаться изгнать муху из моего дома. То, что я вытворял, по-всякому было видно девчонкам, что стояли напротив. Собственно, это мне и надо было. Избавившись от мухи, я, как и положено, закрыл тюль. Меня вроде и не было видно, но тема для разговора на какое-то время у сидящих напротив появилась.

На следующий день закупив изрядное количество клейкой ленты для ловли насекомых, дождавшись пришедшей по расписанию природной темноты, я включил свет в комнате и при этом свете, где меня было хорошо видно с улицы, стал развешивать липкую ленту по лоджии. Ленты было много! Очень! Ей можно было, наверно, оклеить всю мою лоджию вместо обоев (если бы, конечно, я того пожелал) и поймать всех находящихся в нашем квартале насекомых. Ушло у меня на это примерно с полчаса. А куда мне было спешить? Закончив, я вернулся в комнату, задернул тюль и шторы. Я исчез из поля зрения, а интрига смысла моих поступков осталась.

У змея-искусителя Евы было второе имя и имя это было – любопытство. Теперь оставалось набраться терпения и ждать. Я знал, женщина, которая мне интересна, будет сама искать случая для «случайной встречи», чтобы удовлетворить свое любопытство. Не прошло и трех дней, как мы нос к носу столкнулись с ней и ее подружкой: я – входя в свой подъезд, они – выходя оттуда. При нашем невольном столкновении пакет, который я нес, порвался и из него, как в пло-

хом кино, посыпались яблоки. Само собой, я и они стали их собирать. Если чему-то суждено случиться, то это произойдет обязательно. Муха, подлетевшая к моим яблокам, вывела меня из равновесия. Я замахал ожесточенно руками, пытаясь отогнать от себя непрошеную гостью. Лицо при этом я состряпал испуганное и растерянное. Мне помогла ее подруга, ловко поймав муху на лету и выбросив ее труп куда-то в сторону.

– Спасибо большое. От насекомых у меня обычно бывают неприятности.

– Да какие от мух неприятности кроме разносимой заразы? – засмеялась та, что мне нравилась.

– Иногда настолько серьезные, что оставляют впечатление на всю жизнь.

– Ой как интересно. Вы из-за этого у себя всю лоджию превратили в мушиную покойницкую.

«Ну все! Ключула! Надо вести тихонько, чтобы не сорвалась».

– Знаете, если бы мы были с вами лучше знакомы, я сумел бы вас переубедить, что любое насекомое может повлиять на судьбу человека.

– Ну так в чем проблема? Давайте знакомиться. Я – Юля. Она – Лиза. Теперь – вы.

– Что вы?

– Ну как вас зовут?

– А-а-а.

Я назвался.

– Вот видите, теперь мы знакомы. Начинайте.

– Что начинайте?

– Переубеждать.

– Прямо здесь?

– Нет, пожалуй. Пойдемте на лавочки, там и поговорим.

– У вас же там своя компания, вряд ли я придусь ко двору.

– Пойдем. Мы приглашаем. Да еще и нет пока никого, позже подойдут.

Все оказалось просто и предсказуемо. Мы пошли на облюбованные ими лавочки, и после непродолжительных уговариваний я начал свой рассказ с классического предисловия...

Сколько рассказов начинается с фразы: «А вот со мной случай был...» Да множество. И случаи бывают разные: трагические, комические, ну и спаренные случаи – трагикомические. Вот о таком случае я вам и расскажу.

До армии это со мной случилось, и случай, я вам скажу, презабавнейший. Я еще на тот момент девственником был. Маялся от этого, конечно, переживал, вот друзья и решили помочь: до призыва осеннего лишить меня, так сказать, этого недостатка, а то пойду в армию – и с комплексом. Как-то в июле говорят: «Пойдем в поход на природу с палатками, с рыбалкой, ну и девчонок прихватим, как без них... Я сначала в отказ: «У меня и девчонки нет, чего я там мешаться буду. Без меня». А они мне: «Не ссы, пацан, мы и на тебя

возьмем. От нее не убудет, а тебе хоть какая-то – да польза». Уломали, в общем, согласился.

В назначенный день двинулись мы в поход. С рюкзаками, в энцефалитках, в панاماх – все, как туристам и положено, на электричке. Рюкзак мне выдали не самый большой, но по весу самый, мне показалось, тяжелый. Ну и девушку к рюкзаку: она, мол, с тобой будет, потому как рюкзак с поклажей ее. Представили нас друг другу. Она на меня посмотрела критически так, я – на нее.

– Что-то мне в этот раз хлипковатый бычок попался. Сдюжит, нет после рюкзака-то? – это она про меня вроде вскользь заметила.

– А ты что, в рюкзак кирпичей накидала для проверки? – меня аж взбесило это ее замечание.

– С гонором – это хорошо. С гонором – они старательные, до последнего дыхания упрямо что-то доказывают.

Ее, как видно, и не зацепила моя злость, будто не было меня и она вслух свои мысли просто выговаривает.

– Я тебя спрашиваю, чего у тебя в рюкзаке-то – библиотечный фонд?

Улыбнулась она, руку мне на плечо положила, погладила меня, как несмышленища (а ладошка теплая, меня аж в пот бросило), в глаза заглянула, по губе своей верхней кончиком языка провела и спокойно так отвечает:

– Продукты там. Калорийные. В походе без продуктов мужику нельзя, да и не в походе тоже. Сильным мужик должен

быть, чтобы хотеть завоевать мир и бросить его к ногам дамы. Потому кормежка – это почти что главное в жизни, – и опять, глядя мне в глаза, губы свои облизнула, а руку с плеча не убирает.

У меня почему-то в горле все пересохло и мысли в разбег пошли, я и сообразить не смог, что ответить ей. А мысль дурацкая появилась: «Она облизывается, как кошка, увидевшая мышку, и про жратву намекает, будто я ее мышкой в походе буду». Я ее руку с плеча стряхнул да пошел на посадку в электричку, куда все уже двинулись. Так вот знакомство мое с моей первой женщиной и произошло: без цветов, свиданий и прочей чепухи. Вокзал. Рюкзак. И разговор про жратву. Хотя она мне понравилась (мне на тот период все нравились, даже если бы она без головы была, лишь бы грудь была да задница, а это у нее было).

Как ехали и приехали, это неинтересно. Все туристы одинаковы: гитара, песни, шутки и смех. Прибыли на станцию Шершневая, это я на всю жизнь запомнил. Соответственно, и деревня с таким же названием. Вышли и побрели, как и положено, куда-то к черту на кулички. Они-то знали, куда шли, а мне какая разница. Новая моя знакомая шаг в шаг за мной шла, будто конвоировала. Я, бывало, обернусь, она мне улыбнется, а глаза масляные такие, я после только стал понимать, когда такие глаза делаются у женщины, – в предвкушении удовольствия. Неважно какого: кино, кафе, ресторан или секс, если она сама знает, что ей понравится, то вот

такие глаза я и вижу. А тогда ведь я этого не знал, думал, стебается надо мной.

Недолго мы шли. С час где-то, не заходя в деревню. Луг небольшой, по краю луга речка средних размеров: это когда и искупаться можно, и другой берег хорошо виден, а там тоже луг с коровами, все, как полагается. Красота. Все, оказывается, не первый раз на этом месте бывали и каждый знал свои обязанности: кто палатки ставит, кто с канистрой в деревню за водой пошлепал, а мне как не знающему свои обязанности велели с рюкзаком при кухне быть. Это значит, с моей новой знакомой пищеблок оборудовать и ей по возможности чем надо помочь.

Распаковывает она рюкзак, достает топорик.

– Вон, – говорит, – лесок видишь? Метров триста будет. Сходи туда, наруби сушняка. Свежий не руби, хоть и красивые дрова, да гореть не будут. Дым один от них. Ищи сухие и нетолстые. Толстые к ночи надо в костер кидать, чтобы не прогорели. Понял?

Взял топор да пошел. «Почему все такие умные? Блин».

– Не заблудись там, а то я подумаю, что сбежал, – это она уже в спину мне. И смеется. Шутку услышали и, судя по тому, что все весело засмеялись, поддержали.

Пожалел я, что поехал с ними, а куда деваться?

Потом я ходил в лес за сушняком, собирал, таскал к лагерю. Когда все наладили, пошли купаться к реке. Покупались, костерок развели, казанок подвесили, девчонки картоху да-

вай чистить, лук – все, как полагается. Дружки мои пошли закидушки ставить по берегу, это когда на леске несколько крючков с наживкой, ее закидывают в воду и она сама по себе рыбу ловит, лишь изредка ходить вытаскивать надо да покрепче привязывать, чтобы рыба с собой не утянула. Рыбак, правда, из меня никудышный. Я так – посмотреть, поохать, если что попадет. Нам дома по жизни рыбак-фанатик сосед рыбу сбагривал, у него в семье на нее уже спокойно смотреть не могли. Он меня пару раз с собой приглашал, да мне она, рыбалка эта, безразлична. И тут от меня для пацанов толку был ноль. Поставили, вернулись в лагерь. Уже от костра аппетитно припахивать стало, подошел посмотреть, чего кашеварят.

– Что, лесоруб, проводи даму до речки искупаться, – это мне кошка моя плотоядная говорит.

– А че провожать-то, вон она, речка-то, ее отсюда видать.

– А вдруг я плаваю плохо? Кто мне поможет в таком случае? Девчонки, посмотрите за кухней, мы искупаться сходим, – сказала, как будто я уже согласился и бегу спотыкаюсь ей услужить. Я и ответить не успел, а девчонки мне уже тут же:

– Иди. Лишний раз искупнешься и в случае чего рядом будешь, может, она и вправду плохо плавает.

Пошел. Она впереди, я следом. Хорошо шла, красиво. Покачиваясь. Я от ее ходьбы сам не свой стал. Чувствую, сейчас она все мои чувства наяву и увидит. Засмеет. Обогнал я

ее и, добежав до реки, наскоряк штаны сбросил – да в реку охладиться. Оборачиваюсь, стоит уже на берегу. Улыбается. Не торопясь с себя одежонку скинула, к воде подошла, ножкой так водицу побултыхала и так же не спеша в воду заходить стала. Без одежды-то увидел, еще больше я занервничал. Как не занервничать, когда все что надо на месте и так ласково выглядит... Нырнул я и отплыл от греха подальше. Она хорошим стилем за мной, я – от нее. Она не отстает. Так меня на другой берег и загнала. Вылез я, на песочек присел, она вышла, рядом присела. Сидим сохнем. Молчим. Посидели. Помолчали.

– Пойдем, – встала она, – коров посмотрим. По лугу прогуляемся. Я на этом берегу первый раз.

– Что, вот так и пойдем? Без ничего?

– А кто нас тут кроме коров видит? Это на том берегу куча народа, а здесь нет никого. Ты что, меня боишься?

– Вот еще.

– Ладно, пошли по берегу, а то напротив лагеря бродить неинтересно.

Отошли мы с ней. Вроде и лагерь видно, да уже и далеко-вато. Поднимается она по бережку вверх и не оборачивается даже. Я за ней. Холмик такой небольшой. Сбоку кустарник, из-за него коров не видно, чуть ниже малинник с крапивой. Место встречи непримечательное, только трава под ногами густая такая, мягкая, коровами не поеденная. Вот она наклоняется, по траве рукой проводит и говорит:

– Вот здесь и позагораем, – и ложится на траву эту. – Ложись рядом. Места хватает.

Я на нее, лежащую, глянул и совсем охренел. Сейчас, думаю, вот увидит, как мои трусы вздыбятся, с ума сойду. И пока мое настроение не успело так видимо проявиться, тут же рядом и упал на живот. Так ведь оно безопаснее... мне так подумалось. А откуда эта безопасность возьмется, если рядом такой соблазн валяется? Организм на соблазн соответственно и отреагировал. И теперь мне ни встать, ни сесть – все здоровье из меня так и прет. Она какое-то время молча полежала, видать, ей скучно стало. Она сорвала соломинку, ко мне боком повернулась и давай меня щекотать меж лопаток, по шее.

– Прекрати. Щекотно.

– Да брось. Приятно ведь.

– Щекотно, говорю.

– А ты повернись, щекотно не будет.

– Не хочу.

– Ладно. Я на первый раз помогу.

Я на нее глянул, а она лифчик от купальника сидя снимает, потом легла на спину, выгнулась вся и плавки туда же – снимает. Я тут же и оглох, и ослеп. У меня в голове такой шум стоял, что я толком ничего и не соображал. Она плавки сняла, голову повернула, посмотрела на меня.

– Иди ко мне. Любить буду, – и рукой меня за шею к себе притянула.

Я смутно помню, как это все начиналось. Скорее даже и не помню вовсе: я уже на ней, она подо мной, стонет, я умираю от удовольствия и старательно работаю телом. Только трусы мои мне несколько мешают, я их только до колен припустил. Или она это сделала? Да и наплевать. Мне безумно хорошо, и еще я понимаю, что мне так никогда еще хорошо не было.

А потом произошло то, что произошло. Меня что-то ужалило в задницу. Прямо в дышащий от удовольствия анус. Это было как удар током. Можете представить, когда вы уже дошли до наивысшей точки наслаждения и готовы от этого удовольствия взорваться, вас бьет током! Я так ей двинул, что она закричала, затем закричал я. Боль была страшная. Я вскочил. Я буквально обезумел от боли. Успел заметить только, что подружка моя, лежа на спине с раздвинутыми ногами, ошарашенно таращится на меня. Такое, наверно, у нее было впервые. Я же стал скакать словно безумный, ведь трусы были у меня чуть ниже колен. Это как прыжки в мешках на празднике. Правда, праздника не получилось, я упал и покатился с уклона прямо в малинник с крапивой. Все мое оголенное возбужденное хозяйство, пока я пытался встать, получало крапивные компрессы, если же, стараясь избежать жалящей меня крапивы, я поворачивался, то добавлял «удовольствие» своей уже пострадавшей заднице. Причем я орал. Я орал так, что коровы стали покидать пастбища. Наконец я выбрался из малинника. Я увидел реку.

На мне все горело и полыхало (так мне тогда казалось). Я так прыжками и допрыгал до реки и с разбегу нырнул. Труссы, естественно, река у меня отобрала. Я, размахивая руками, ринулся на противоположный берег. «Зачем?» – спросите вы. А я знаю? Мне так было плохо...

Я когда нырял, вообще ни о чем не думал. А зря. Нырнул я как раз напротив закидушек, которые сам же с моими друзьями и наставил (действительно, не напротив же лагеря их ставить, понятно, что поодаль). Когда уже подплывал к другому берегу, первую и поймал, в ногу она впилась, вторая тоже, я их вроде и не очень почувствовал от боли, которую мне крапива и задница причиняли, а вот когда одна уже мне прямо в конец впилась, я опять заорал...

Кое-как я на берег выполз. Без трусов, обмотанный леской с крючками, по пояс красный, как ошпаренный рак. Вот таким меня все на берегу и застали. Они, как мои вопли услышали и увидели, как я там скакал, да в речку бросился, да потом опять заорал, поначалу решили, что я рехнулся от радости, что уже не девственник. А потом побежали поздравлять. Все побежали. Сволочи! Хотя они же не знали...

Подруга моя тоже вплавь перебралась, когда оделась. Правда, немного в другом месте. Парняги подсказали, где переплыть. И вот они смотрят на меня стоят и не знают, что со мной делать. Они ведь не знают, что произошло, а я только стоны издавать могу. Кое-как сообразил, что сам идти не могу, еще этот крючок в члене. Сделали, принесли две жерди-

ны, чем-то там их перетянули и потащили в деревню, чтоб скорую вызвать или в город как-нибудь отправить. И вот такая процессия ползет по сельской дороге, они меня чем-то прикрыли и тащат, как киношного раненого командира. Я им потихоньку рассказываю, мол, на приходе уже какая-то тварь прямо меня в очко ужалила. И все! А потом все остальное и получилось. Девчонки охать стали, парняги, меня дослушав, вдруг ржать начали. Смешно им, блин, стало. Потом и девки ржать принялись.

Тут на ту пору телега с местным мужичком ехала по дороге. Подъехал мужичок, видит, дорогу компания молодых перегородила и все ржут. И носилки на дороге со мной стоят. Мужик сурово так:

– Дайте проехать, шалопуты, а потом ухахатывайтесь.

Ну они на меня показывают и ему говорят:

– Возьми раненого в деревню, очень уж надо доставить.

Помоги.

– Чего ж вы ржете, ежели он раненый?

– А он тебе по дороге расскажет, мужик. Ты уж довези.

Слез мужик с телеги, подошел к носилкам, чем я был накрыт, приподнял, посмотрел.

– Да, – говорит, – если вы его сразу не сварили, то, наверно, спасти можно. Тащите его на телегу. И дайте кого-нибудь в сопровождение. Пусть с ним сам валандается, когда сгрузим.

Почему-то все решили, что сопровождать меня должна

моя новая подружка. Все ведь парами были, чего удивляться. А мне хоть черта лысого, лишь бы до больницы дожить, так я весь страдал.

Вот мы в деревню и покатили на телеге. Она хоть телега и современная, на резиновом ходу, да сельская дорога все больше для тракторной тяги предназначена, потому трясет не хуже, чем на железных ободьях. Въехали в деревню, едем, значит, по улице, недолго, правда, мы ехали, на этой же улице свадьбу гуляли. Молодожены только из районного загса на машине с кольцами и колокольцами и местные кто на чем, зато много. Никак нам с телегой с ними не разминуться. Встали. Из машин все уже веселые и довольные жизнью повылазили, хлебосольная деревня, все друг дружке родня и знакомые. Деда в плен вместе с телегой и содержимым. Деду хрендали на свадьбе не погулять? А мне какого? Правда, дед за меня что-то там им сказал, аж жених с невестой лично пошли выяснять, что да как... Ну моя им новоявленная подруга и выложила все, что со мной случилось.

Что тут случилось... на меня ходило смотреть все мужское население деревни, присутствующее на свадьбе на тот момент. Женская половина деревни, узнав от невесты суть вопроса, горестно вздыхала, и я даже слышал жалостливые фразы типа: «Ведь молоденькой совсем еще... жалко-то как... и чего их на шершневый луг понесло?.. Шершень, наверно, его так... вот ведь не повезло пареньку...»

Тут тот, кто был менее всех навеселе, подал наконец-то

здравую мысль:

– Может, пацана в больницу отправить? Не мешало бы. Спасти, так сказать, на перспективу.

Идея была подхвачена и поддержана, но... свадьбу никто добровольно покидать не хотел – даже ради меня с покалеченной уже судьбой. Правда, нашла выход из, казалось бы, безвыходного положения будущая теща: рассчитываясь за машину со свадебной атрибутикой, решила меня с ней и отправить. Шоферу все одно в город, пусть меня туда и доставит. Шофер отдельно везти меня никуда не хотел, не из лени, понятно, а так: не такси он, а машина, достойная других – благих дел. Теща доплатила, и все стало возможным: и моя доставка, и мое будущее.

Минимальными усилиями и с некоторыми затратами поменяю мое пострадавшее тело деревенскую телегу на кортежную свадебную машину. О подруге моей при перемещении забыли, впрочем, от ее отсутствия я ничего не потерял. Она, будучи в состоянии расстройств от не удавшегося для нее похода на природу, осталась при невесте давать консультацию о прохождении без последствий и с наибольшим удовольствием брачной ночи. Я отбыл в сторону города без нее.

Мы когда на трассу из деревенских ухабов выбрались, шофер полюбопытствовал, что со мной произошло. Я вкратце ему пересказал случившееся. Какое-то время он молча ехал. Потом он стал похихатывать, видно, его фантазия стала дополнять мой суховатый отчет происшедшего. Затем он уже

в голос стал смеяться – задорно и взалхлеб. Смешливый гад попался. И смеялся он все громче и громче, это коренным образом повлияло на возможность безаварийного вождения вверенного ему авто. Машина стала вилять, по ходу движения выписывая пируэты, затем остановилась на обочине, шофер распахнул свою дверь и, держась за живот, вывалился на проезжую часть, держась от смеха за живот.

Случилось это в пределах видимости поста ГАИ, где его увидела стоящая там пара милиционеров. И что им, выполнявшим свой долг, увиделось? Едет свадебная, в лентах с кольцами машина, виляя на ходу, как пьяница к ночи пятницы, останавливается, открывается дверь, водитель выпадает из нее, смеясь и плача... ясное дело – пьяная сволочь за рулем. Непорядок! Придерживая фуражки, бегут они к машине свадебной. Добежали. Шофера подымать, а он уже чуть не икает от смеха и объяснить ничего им толком не может, лишь рукой в сторону машины машет. И главное, спиртным от него ни грамма не пахнет. Ну, сунулись они в салон. Там я в непотребном виде. Они меня спрашивают:

– Что за дела, пацан? Что это с ним, да и с тобой тоже?

Мне-то не до смеха, я им тоже вкратце:

– Первый раз с женщиной был, да в самый ответственный момент меня шершень в зад. Вскочил. Упал. Да неудачно – в крапиву, из крапивы – в реку, да там на снасти расставленные нарвался и крючков насобираю... А этому гаду, хоть и везет он меня в больницу, смешно стало, что мое лишение

девственности мне на всю жизнь запомнится.

Отошли они от моей двери, подошли к шоферу, он так и сидит у переднего колеса и лишь руками машет, ничего сказать не может и уже не смеется, а все равно толку от него – ноль! Мне из окна видно: сначала у одного милиционера плечи от смеха затряслись, на него второй глянул и тоже туда же. Стали уже они ухахатываться. Видно, до них тоже... дошло.

И вот сижу я в машине, страдаю и душой, и телом, а эти сволочи, шофер да два постовых, ха-ха поймали, серьезное такое ха-ха. Едет мимо в это время кортеж штабной генеральский. И что проезжающие штабные чины видят? Стоит свадебная машина, рядом шофер у колеса сидит и два постовых; те, кто должен проезжающим честь отдавать и от служебного рвения «глазами есть», просто стоят рядом и поконски ржут. Тут любого генерала от такого нарушения субординации должна как минимум кондрашка хватить или инфаркт, в конце концов.

Кортеж по тормозам! Задним ходом обратно. САМ покидает свой передвижной трон и появляется перед смеющимся народом во всей красе своего праведного гнева. Картина, конечно, еще та...

Генерал с лицом от злости оттенка моей ошпаренной плоти, вращая глазами, начинает орать:

– Да я вас, сукиных детей, так-перетак, по гауптвахтам сгною. Вы у меня свой дембель к старости увидите! – и все

в этом роде. Тем, конечно, уже не до смеха, а остановиться не могут – истерика. Шофер отошел первый. Поднялся, генерала обошел и так пальцем его к открытой задней двери манит. Генерал чуть от ярости не лопнул, но к двери открытой, за которой я был, подошел. Заглянул. Ничего из увиденного не понял.

– Доложить, как положено, о причине смеха и происходящем, – зычно так, по-командирски. (Выучка.)

Один из постовых стал во фрунт и по всей форме докладывает: так, мол, и так... и то, что им вкратце выложил, это генералу и втюхивает.

Генерал, он и есть генерал. Открыв машину, заглянул и мне:

– Призывник?

– Да.

– Не да-а-а, а так точно! Привыкай, боец. На тебя как на будущий образец боеспособности армии равняться следующие будут. Понял?

– Да.

– Не да-а-а, а так точно! Повтори!

– Так точно!

– Хорошо! Ты, – это он свадебному доставщику, – куда его везешь?

– Да в ближайший травмпункт сдам. Куда мне его?

– Отставить! Вы, – это уже к гаишникам, – подгоняйте ваш драндулет, включайте иллюминацию и за мной в госпиталь

военный. Быстро и не отставать. Вы со своим ха-ха мне бойца угробить могли. А без бойцов кто родину защищать будет? Вы? Приказ ясен? Приступить к выполнению, – и к машине своей.

Те, кто из кортежа повылазил и стоял поодаль, согласно званиям и регалиям, вновь стали занимать свои посадочные места в своих членовозах. Меня смешливый шофер на пару с гаишниками перетащили в их служебную, подогнанную поближе машину. И повезли меня с почестями целой кавалькадой в госпиталь – возвращать в строй для блага родины и генерала. Ведь без бойцов, оказывается, генералам и не жить. Очень генералам бойцы надобны.

В госпиталь мы заехали, по барски заняв автомашинами весь двор. Видно, адъютант метнулся в приемный покой, отдал соответственный приказ. Гляжу, несутся уже от входа два медбрата с носилками. Не вальяжно, как у любого уважающего себя медперсонала принято, а с серьезными лицами и с пониманием задачи в их ответственных глазах. Подбежали. Аккуратно достали с заднего сиденья, без вопросов и улыбочек погрузили на носилки и скорым шагом прямоком в здание. Генерал со свитой следом. Никаких лишних эмоций ни на лице, ни в действиях. Меня на разделочный стол для осмотра и лечения. Пришли военврач, сестра, выслушав указания генерала: «Осмотреть. Оказать помощь для возвращения бойца в строй», – принялись за дело.

Чем был прикрыт, убрали, осмотрели, и врач согласно ин-

струкции задал вопрос:

– И что с вами, боец, произошло?

Решив сузить возможность надо мной ухахатываться, я ответил по-военному лаконично:

– Я упал в малинник.

– А как вы в малинник упали без трусов? Нарочно?

– Нет. Я был с женщиной.

– И что? От женщины без трусов стремятся сбежать, только если она вас жениться на себе заставляет.

– Меня, когда я на ней был, в анус шершень ужалил. Я вскочил и упал в малинник с крапивой.

– Ну а крючки с леской вы в малиннике насобирали?

– Нет. Мне после крапивы ничего не оставалось, как только в реку нырнуть. Там я их и нацеплял.

Врач был в маске, и, что у него отразилось на лице, когда он услышал мои ответы, я видеть не мог, как и у сестры в такой же маске. Он на нее посмотрел, она отвернулась и посмотрела на генерала.

– Я так понял, что у бойца это было впервые. В смысле – с женщиной, – это он им говорит.

– Боец! Тыл у солдата в любых обстоятельствах должен быть прикрыт во избежание любых неприятностей. Понятно? – это уже он мне.

– Так точно, – я уже знал, как избежать дальнейшего диалога.

– Работаем, – это врач сестре. – Будет жив-здоров, това-

рищ генерал. Вернем в строй, – военврач генералу так доложил о принятом им решении.

Генерал пошел на выход, у дверей обернулся.

– Знаете, боец, я в первый раз женщину попробовал, еще будучи в суворовском. Тот еще случай со мной произошел... – он улыбнулся чему-то своему – давнишнему и памяtnому. Тогда мне стало понятно, что генералы тоже люди, в свое время были молодыми и все у них было, как и у всех нормальных людей.

Все врачебные действия, какие были положены, со мной произвели: обезвредили крючки, обработали меня какой-то обезболивающей дрянью, даже заглянули (извиняюсь за подробности) в анус и там чем-то смазали, где надо, наклепили пластырь. Мне значительно стало легче. На прощанье мне выдали старые солдатские штаны (ведь своих я был лишен) и отправили домой, пожелав крепкого здоровья и легкой службы в армии.

До армии друзья звали меня Шершень. А после не каждый уже и помнил, что со мной произошло в день, когда я лишился девственности... и, может, это и к лучшему... Так я закончил свою историю под веселый смех моих новых знакомых.

Они отсмеялись.

– Ты хороший враль. Почти как я, – Юля посмотрела, улыбаясь мне прямо в глаза.

– Ну тогда, если правильно говорить, то врун, а не враль, –

решила поправить ее Лиза.

– Да нет. Врун пытается скрыть правду. Враль – приукрасить серость действительности. В этом разница.

– С чего ты взяла, что я соврал?

– Тебя никогда не кусал шершень. А меня кусал. Но история мне понравилась. Если ты хочешь, чтобы в нее поверили, замени шершня хотя бы на осу или просто скажи: «Кто бы там меня в зад ни ужалил, вы даже представить не можете, что я тогда испытал». Немного тайны – и пусть слушатель домысливает сам.

– А больно это, когда шершень бьет?

– Ты бы остался на своей девочке надолго. Просто в отключке.

– Видишь ли, а как с названием деревни быть? И что потом я любых насекомых видеть не могу? И с чего я решил, что это шершень?

– А так и рассказывай: «С чего-то свадьба решила, что если меня такая оказия на шершневом лугу настигла, то и попал в меня шершень. Это естественно».

– У меня это была импровизация.

Мы разговаривали, как профессионалы о любимом деле, в котором заключена лучшая часть нашей жизни.

– Так ты нам наврал? Фу-у-у. А я, блин, сочувствовала. Поверила как дура, – до Елизаветы дошло, о чем мы вели речь.

– Зато было интересно. Особенно когда его как чудо-чуд-

ное друг другу передавали и ржали над ним, – Юля почему-то решила на мой развод не обижаться.

– Ты вообще на хрена наврал-то столько? – Лиза не успокаивалась.

– А как бы я мог с вами познакомиться?

– И что, для этого врать надо?

– Всегда! – мы воскликнули это в голос. Юлька и я. И нам с ней вновь стало весело. Для себя же я нашел девушку, которой будут интересны мои истории и моя невыразительная жизнь. Еще про себя я добавил слова моего отца: «Женщина может простить многое, кроме незанимательной лжи!»

Новосибирск

Катастрофа

Нет одинаковых людей. Даже если поступки этих самых разных личностей кажутся нам одинаковыми из-за индивидуальности последних, они последствиями своими, несущими эти индивидуальности, таковыми не являются. Женщины – вот что является примером непредсказуемости поступков и действий. Женщины бывают разные. Желание их познать как можно больше и глубже не делает их к нам, мужчинам, ближе, скорее, наоборот: чем больше ты познаешь, тем больше понимаешь, что ни черта в этом вопросе не смыслишь.

* * *

Работал я в свое время директором стоянки для дальнотойщиков. Откатав с ними экспедитором семь лет, специфику профессиональной деятельности знал как нельзя лучше. Но назначен я был директором не за это. Пришел на стоянку работать я сторожем. Мне достался по случаю уазик, малость – не на ходу, а чинить и ставить некуда. Вот и сподвигло меня устроиться сторожем. Стоянка – без оплаты и возня с ремонтом – безарендная, тем паче шофера-профи всегда подскажут, если где не получается. Уазик не «Жигули», свои тонкости.

Стоянка была от жуликов уралмашевских, потому рано или поздно директором все равно стал бы... тоже – «специфика производства». Побыв директором какое-то время, человек обнаруживал, что им интересуются определенные органы. Органы в лице оперов ставили условие его дальнейшего существования, беззастенчиво предлагая начинать стучать, то есть держать в курсе событий, происходящих на стоянке. Происходило это примерно после трех месяцев «директорства», именно тогда, когда человек становился уже компетентным в вопросе управления и движения денег и прочих внутренних движух. Уралмашевцы дураками не были и вовремя производили ротацию кадров. Все шло своим чередом. Все всё знали, но, по традиции, каждая из сторон делала свою часть работы в независимости от обстоятельств. Поработав свое положенное время, я стал очередным «директором», можно было отказаться, но... узик доделан не был – остался, надеясь до финала своей карьеры довести машину до ума.

Ленчик приходить на стоянку стала еще тогда, когда я сторожевал. Была она миниатюрной девушкой с маленькой грудью и ослепительной улыбкой, с глазами, удивленно распахнутыми на мир. Мужики шутили: «Если поддомкратить КамАЗ, она в полный рост под ним пройдет». Годков ей было от силы двадцать пять, позже выяснилось – двадцать три. Была она замужем, имела ребеночка, но... была она шальная. Нравились ей взрослые крепкие мужики и машины их –

грузовики со спальниками. Из дома сбегала она регулярно. Дня по три зависала на стоянке с очередным дядькой. Никому вреда это не доставляло, скорее – наоборот. Запросов «на отдых» у Ленчика не было: пива – одна бутылка, и то растянутая на весь день. Она ее только время от времени пригубляла, наверное, из приличия. Бывало, глянешь в окошко из будки, а ее бутылка недопитая у кого-то на бампере забытая красуется. Через пару-тройку дней приезжал на «крузере» ее отец и забирал ее молча со стоянки домой – к семье и ребенку. Был он коммерсом состоятельным, судя по прикиду и авто, но поделаться с дочерью ничего не мог, а может, и не хотел, кто знает? Мужик у Ленчика тоже был мент, но видеть его никому не приводилось. Что он думал по поводу загулов жены, она не распространялась. Да и кому это было интересно... Главню – денег Ленчик за встречи не просил, никаких обязательств не требовала и чужого не брала, что тоже было плюсом.

Позже, правда, отношение водил к Ленчику стало меняться. Стали замечать мужики, стоило Ленчику с кем-нибудь подзависнуть, и с машиной обязательно случалась поломка – несмертельная, но поломка...

Первым заметил это Серега с МАЗа, мужик под пятьдесят. Отдохнув с ней положенное время (а именно, пока ее не забрали), взял заявку и... в путь. Да недолг был тот путь. Провернуло движок у машины в обратную сторону. Так далеко от стоянки и не отъехал, притараканили обратно. И стал

он его, двигатель, чинить, приговаривая: «Ах ты ж, Ленчик, невезуха шоферская, где ж ты сейчас, милая, помогла бы чем». Посмеялись, посудачили с хохотом мужики. Да и поразъехались.

Следующим стал MAN. Машина серьезная, да и мужики питерские с опытом и знаниями. На момент их стоянки и появилась Ленчик на их питерские головы. Баню заказали чин-чинарем, посидели, выпили и айда любить по очереди Ленчика. Затем и в кабину уволокли. Так до отъезда и жила у них. А отъезжали они на второй день. Пришли рассчитываться за «хлеб-соль» и между прочим поинтересовались, можно ли Ленчика до Питера прокатить. С возвратом. Обрато с кем-нибудь отправят. «Она ничейная, вольная. Если хочет, то ее не привяжешь». На том и разошлись.

И поехала Ленчик до Питера... семьдесят километров! Притащили мужиков на сцепке. Рессора лопнула. А рессора у MANa – четыре сантиметра. Вся стоянка ходила смотреть, как такое могло случиться. Однако же случилось. Ленчик благополучно где-то по пути вышла, до Питера не добравшись.

А затем уже шло все по сценарию написанному и срежиссированному кем-то свыше. Появлялась Ленчик, обязательно был на стоянке кто-то новенький из дальнобойщиков и, видя симпатичненькую самку, просто плыл по течению своей похоти (в чем, возможно, позже раскаиался). Даже один из бывших «директоров» Игорек, мужик, побывав-

ший в двух лагерях и не боявшийся ни черта, ни ладана, разок попал под раздачу. Подсадил Ленчика, чтобы подбросить до остановки – метров пятьсот до трамвая всего. Беззлобно и со смехом. А вот когда на веревке притянули обратно, клял и Ленчика, и голову свою глупую, которая додумалась ее в машину пустить, зная ее репутацию. Пробил оба колеса, помяв при этом диски, а машина у Игорька была хорошая – «мерс» – хоть и небольшой, 180-й, но с «Жигулей», опять же, ничего не переукомплектуешь. И тогда решил Игорек, что Ленчик эта – КАТАСТРОФА шоферская! И пускать ее в любой автомобиль себе дороже. Прозвище сразу к Ленчику прилипло, и решено было на стоянке прибывших о сем факте предупреждать заблаговременно во избежание недоумений. Да разве кто в это верил? Ржали новенькие рисковые мужики все, жизнь под себя подмывшие – да чтоб бабы с вершок ростом испугаться... Вот и велась понемножку статистика от Ленчика потерпевших. Те же, кто был с ней и уже обжегся на любви этой каверзной, обид не держали, а приглашали Ленчика уже на нейтральную территорию, снимая или баню, или номер в будке, наспех переоборудованной в «гостиницу».

Узнав, что дали ей кликуху Катастрофа, несколько этим не смутилась, а при знакомстве порой так и говорила: «Лена я, Катастрофа». При вопросе глупом: «Почему Катастрофа?» – «Могу доказать!» И все! Мужик попал...

День, о котором я расскажу, выдался ничем не примеча-

тельным. Холодно, сыро и дождик промозглый. Одним словом, дрянь день. Еще и на стоянке сменщик предыдущего, сторожившего до него, приболел запоем, пришлось отложить директорство и самому присматривать за стоянкой. Был я на то время холост, потому и неважно мне было, где я буду и как.

До меня ночью заехал на МАЗе мужик, до трех дня отсыпался, затем выполз наружу, походил по стоянке и, найдя какого-то своего знакомого по трассе, зарулил с ним в вагончик, под кафе переделанный, и там завис под водочку. Ничего необыкновенного в этом не было, все, как всегда. С дороги мужик. Может с устатку и оттянуться. Его право. Сотоварищ его лишь поднялся с просьбой подсобить с банькой, мол, с дороги – сам Бог велел! Да и подсобник еще не ушел, потому истопил он им баню. А затем все и началось...

Ну не могут некоторые спокойненько, бесхлопотно водку пить. Им кураж подавай, да чтоб со зрителем. Пришел в будку этот мужик да без церемоний этак: «Вызови-ка нам шлюх...» Посмотрел я на него. И непьян, ощущение, что водка ему по барабану. А лицо злое, неприятное, и складки вокруг рта жесткие, губы тоненькие – ниточкой, и глаза маленькие, льдисто-серые. Противный видок, хотя видно, жилист и крепок. И росточком не заморыш. Да видно, наглюч дядька, таких сразу не осадить, ярмо попытаются надеть. Нервотрепствовать не хотелось. Я ему говорю: «Вот телефон на столе, под стеклом список диспетчеров и там же надпись

„Мамки“, звони сам». Помолчали мы какое-то время оба. Я думал, возбухать начнет, тогда и осажу, о чем он думал, тут, как говорится, «собака след не берет, товарищ майор; хрен его знает, какой зверь здесь ходил».

Умный оказался, взял телефон и сам себе девок вызвал, даже цену не спросил, сказал: «Двоих на ночь». «Мамки» обычно такие заказы ценят: оплата сразу и забирать своих надо только утром. А иногда те и так сами по себе добираются.

Прикатили аж на двух машинах. Повылазили девки, выстроились все чин-чинарем. Смотрины. Крепостное право в отдельно взятой волости. В окошко наблюдал: дождик моросит, девки ежатся. Курточки и юбочки только-только срам прикрывают. Выбрали мужики пару себе по нраву – и в баню. Чуть позже одна в еще открытое кафе метнулась, обратно уже с пакетом. Ближе к полуночи смотрю, вывалились все из бани наружу. Думаю, сейчас по спальникам разбредутся и закончат начатое уже по отдельности. Как бы не так!

Залез мужичонка вредного вида к себе в кабину да как даст по «воздушке»! Да еще разок! Думал я, случайно он, люди ведь спят уже: кто с рейса, кому в рейс. Нет, вижу, знакомый его пошел по кабинами стучать, будить тех, кто спит, кто не спал, и так повылазили. На стоянке «воздушкой» не пользуются, только в крайнем случае. Посмотрел я на это. Думаю, надо вниз двигать, пьяных дурней осаживать.

По сырости и слякостности кожанку свою надевать

не стал, лагерная телогреечка от освободившегося парняги на гвоздика висела, от срезанной бирки выгоревшее пятно клеймом красовалось. Зонтик прихватил, чего мокнуть-то...

Смотрю, открывает мужик ящик с инструментами, что под кузовом, достает все для разбортовки колес, бросает у кабины и зовет девок заплаченных подойти. Те, естественно, идут, куда деться? Он им и заявляет: «Вы шлюхи! Вас привезли – е... ться! Вот сейчас этим и займетесь. Колеса с МАЗа снимать будете». И ржет так невесело. Надевает ключ на футорку, трубу – на ключ, берет за шиворот одну из них, подталкивает к колесу и... начинай!

У мужиков хохот, подначки. Кто-то высказывает мнение: «Пусть узнают, как шоферская копейка добывается. Это – не ноги раздвинуть да отчмокивать по-быстрому».

Попыталась она гайку сорвать. Только рассмешила мужиков пуще прежнего. Знали ведь, там здоровому-то мужику сил сколько надо, а тут курица подмоченная. «Ты ей вторую в помощь дай, может, у них двоих получится?»

Разошлись мужики. Глумятся над девками. Дождик, как назло, припустил удвоенно. Смотрю, мужики кто за курточкой сходил, кто, вышедши в сандалях, сбегал переобулся. Цирк ведь. Бесплатный причем. Еще и проучить девок не мешает. Сколько денег на них трчено...

Стою. Смотрю. Девки, думая – шутка, поднапряглись, сорвали футорку. Одну. А их на колесе – тридцать две! А вид уже жалкий. При такой-то одежке, как говорила моя бывшая,

«прощай придатки, долго ли до бронхита?». Стоят, мордочки, кисло улыбаются. А он им: «Че встали, лярвы траханные? Другую срывайте!»

Одна попробовала заскулить: «Может, одной хватит?» Думала, наверно, пошутил мужик. Дура дурой. У него же на роже написано – садист. Да еще если и безнаказанно покуражиться есть возможность, то сопли его только заводят. Глупые девки, молоденькие. Вот его и понесло: «Бросите работать, зубы повышибаю, чтоб отсасывать легче было. Еще и почки поотобью, чтоб рожать не могли, вам это все равно ни к чему. Вас, шлюх, калечить надо, все равно – мрази! – последнее он прямо с остервенением выкрикнул.

Дело принимало нешуточный оборот. Позже, конечно, придет крыша сутенерская, но будет все это позже. Хотел уйти в будку, в тепло, приходилось оставаться. Запахнулся лишь в телогреечку поплотней да из промерзшей ладони зонтик в другую переложил. Стал ждать дальнейшего развития событий. Нашел взглядом второго, поймав его взгляд, поманил к себе. Вразвалочку подошел. Гоголем.

– Вы бы цирк заканчивали. Это не «плечевые». И место неподходящее. Хорошо?

– Да ладно, ты че? Проучим девок. А то: «Мы в жопу не даем... мы не такие».

– Ты это «мамке» претензии высказывай. Заканчивайте... Отплыл он к корешу своему. Поговорил с ним вполголо-са. Тот, работая на публику, все и вывалил наружу. Причем

громко так, чтоб все слышали:

– Мы шлюх на ночь до утра взяли е... ться? Вот они и будут е... ться до утра. А как – это уж нам решать. По понятиям товар не портим. ПОКА! – причем слово ПОКА было сказано с ударением и довольно многозначительно. – Там уж если ДАМЫ начнут отказывать, мы тогда их гордость и подлечим, как по понятиям и положено. Они – шлюхи! И впрягаться за шлюх – запаadlo.

И девки, и шофера, стоявшие вокруг, все слышали. Сказано ведь было не им, а мне. Вторая футорка была сорвана, труба слетела с ключа, ударив одну из них по ноге. Девка ойкнула и заплакала.

– Ты слышала, шалава? Перелломаю! И ничего мне за это не будет. Следующую!

Девки ревели уже обе – тихонько и безнадежно. Надели трубу и взялись за следующую.

Приходилось ждать. Понятия понятиями, но если дойдет дело до «покалечить», то тут ему обломится. Стоило только спустить собаку или самому взять трубу потяжелей. Кто был на стоянке не единожды, знали, чем все может закончиться, а этот мужик – нет. Мое молчание им было воспринято не так, как надо.

Он усмехнулся, глядя на меня, и подошел к дергавшимся от усилий сорвать футорку девкам поближе. И тут я заметил, как его собутыльник вдруг не торопясь заковылял к своей машине и мужики, наблюдавшие за происходящим, тоже

стали ретироваться.

«Дождик разгонит всех», – так мне подумалось тогда. Все оказалось прозаичнее...

Кто-то взял меня под локоток. И, притиснувшись почти вплотную, залез ко мне под зонтик.

– Пусти мышонка погреться под зонтик.

Это была Катастрофа. Собственной персоной. В свободной руке неизменная бутылка пива, правда, неоткрытая. И запаха от нее пивного не было еще нисколько.

Прижалась она, значит, ко мне и смотрит на театр этот. Девки, уже не стесняясь, подвывают – мокрые, лахудры лахудрами. Еще футорку сорвали. Трясутся, пытаются ключ на следующую накинуть, не получается. Уронили ключ. Одна села жопой своей голой на асфальт в лужу, прижала голову к колесу и ревет. Видно, хоть убей ее, нет у нее сил больше. Мужик давай вновь орать: «Подымайся, мразь е... ная! Пока пинать не начал. Работайте, не то мозги ваши куриные по асфальту размажу!»

Стою жду начала. Аж потряхивать стало, так ждать невтерпеж. Тут Ленчик оторвалась от моей «сухой гавани» под зонтиком и вышла в «открытое море». Подошла она к этой девахе. «Отойди, – говорит, – я помогу». Берет ключ, накидывает на футорку и второй говорит: «Помогай, че смотришь?» – И давай уже вдвоем футорку срывать.

Шофера, что были до этого зрителями, при появлении Катастрофы исчезали махом, словно этим мерзким дождем

смыло. Но из кабин внимательно так наблюдают.

Мужик этот, Богом не доделанный, сначала опешил, затем, опомнившись, задал резонный вопрос:

– Ты кто такая? Ты за них отпахать хочешь? – Сорвалась еще одна футорка.

– Я больше по другой части.

– И какой же?

– Я на передок слаба.

После такого ответа мужичок временно был нейтрализован. Правда, ненадолго.

– Все вы одним миром мазаны!!!

– А я от всех отличаюсь тем, что люблю я это дело и не стесняюсь этого. А если еще и мужик это любит, вдвойне хорошо... – Произнеся это, она наклонилась, накинула ключ на следующую гайку, надела трубу и, обращаясь уже к своей вынужденной напарнице, произнесла: – Поехали дальше...

Видно, мужик такого развития сюжета не ожидал. Честно, и я тоже. Да, наверно, и вся стоянка. Мужик помялся, зло усмехнулся, принял какое-то решение и предложил:

– Может, пойдешь покажешь, что умеешь? Пока меня обслуживаешь, девки отдохнут. Как только заартачишься, девки продолжат.

– Хорошо, – только-то и сказала Ленчик. – Только пиво свое возьму.

Она оставила трубу в покое, вернулась ко мне, забрала оставленное ею мне пиво и зашагала в обратную сторону.

– Как звать-то тебя? – мужик зло хорохорился.

– Меня тут все Катастрофой зовут. Ты тоже так звать можешь. Меня это заводит, – она рассмеялась.

– Посмотрим, – мужик уже открыл дверь МАЗа. – Подсадить?

– Я привычная, – она уже впорхнула вовнутрь, промелькнув между ним и дверью.

– Отдохните пока, – это мужик уже бросил небрежно ревушим и раскисшим девкам. – Вряд ли, правда, надолго. За вас до утра плочено. – Дверь за ним захлопнулась.

Временно концерт был закончен...

Девки как тряслись у колеса, так и тряслись. Куда им деваться?

– Фьюить, – свистнул, как дворовых собак. Когда глянули в его сторону, показал на баню. – Идите в баню, пока он занят. Я позже подойду.

Девки потащились в баню. Мокрые, грязные, волосы со-сульками – трепанные непогодой сучки...

Сходил в будку. Посидев какое-то время, решил провести жриц любви. Спустился. Зайдя в баню, обнаружил ревуших ревмя девиц... Посмотрел. Послушал. Решил, так дело не пойдет, если будут и дальше «сопли на кулак мотать», до истерики недалеко.

– Слушайте сюда! – сказал тихо. – Повторять не буду. Он, может, вас и не отмудохал бы, а я могу точно. Заткнитесь! – это уже рывкнул. Примолкли. – Катастрофа его уработает

на какое-то время. К маме не ходи. Потом, возможно, пойдете дальше футорки крутить. Есть другой вариант. Снимаете свое мокрое засранное бельишко и развешиваете сушиться. Дров я подкину. Пока сушится, прибираете баню. Чтоб все чисто тут было, как до вас. Если ваш ебчик спросит, где вы, так и скажу – баню чистят. Пока не вылижут все, не выпущу. Пусть хоть на жопе своей волосы порвет, вас не увидит. Если нет желания убирать баню после себя, пойдете на улицу до приезда «мамки». У меня тут не институт благородных девиц. Через десять минут зайду, дров принесу – подтопить. Если будете одеты, значит, идете на улицу. Если раздеты, значит, готовы к уборке.

Ушел. Знал, девам деваться некуда. Из тепла на улицу никому неохота, да и спецодежда не по сезону. Если, опять же, без дела оставить, совсем от жалости к себе милым охренеют и, чего доброго, истерику закатят, там уж точно придется по морде бить. Чего не очень-то и хочется.

Когда принес дров, сидели раздетые, правда, в накинутых простынях. Бельишко поразвесили, где и как придется. По виду – чурекский караван-сарай. Подкинув в уже потухающую печку дров, показал, где что находится.

– Если что понадобится, я наверху.

– А водки у тебя нет? Нам чтобы не простыть, – уже испуганно добавила вдогонку одна.

– Мы рассчитаемся, – добавила другая.

Водка была. Моя. Хорошая водка. Не из киоска. У моск-

вичей, тут же стоящих, взял. Для себя. Завода «Кристалл». Хотел после смены сам себя угостить, если знакомая не зайдет...

– Есть. Наверху. «Мамка» позже пусть и завезет. У какой задница еще не совсем отморожена, ступай за мной.

Одна из них пошла со мной. Дал водки, при этом напомнил:

– Баню прибрать!

– Да-да, конечно, – видно было, деваха рада удачному стечению обстоятельств. Рада счастью чистить баню, а не мокнуть под дождем в грязи. Ушла быстрехонько, видать, боясь лишний раз мозолить глаза стоянке и мне.

Подошел к окну, поглядел на стоящие машины. На МАЗе, где находилась Катастрофа, тихо, шторы задернуты... Погода – дрянь, даже собака на своей цепи не скачет. И дождь барабанит по крыше будки. Подумалось, и по кабине МАЗовской так же молотит противно...

Время было к трем. Поставил чайник, взял книгу никчемную о жуликах и бандитах, полистав, понял – дерьмо для обывателя. Включил телик: «Улицы разбитых фонарей», часть какая-то там... у ментов благородные лица и порывы, у жуликов понятно, что нет...

Выключил. Решил досидеть смену до утра без воря и ментов. Их и без этого было более чем...

Задремал. Разбудил свет фар, ослепивших на время будку подъехавшим авто. Глянул на часы – седьмой. Вышел

на крыльцо. Из легковушки выскочил пареньь.

– Мы тут пару на ночь сдавали...

– Пару чего? Лыж?

– Каких лыж? Проституток. – Почему-то тяжело подумалось, что пареньь – дурак.

– В бане они. Иди забирай. Собака на привязи.

Вскоре показались все трое. Провожать не было нужды. Не те гости. Уже дойдя до машины, видно было, о чем-то заспорили. Одна решительно развернулась и пошла обратно. Подойдя к крыльцу, остановилась. Спускаться не намеревалась, она, наверно, это поняла. Подняв лицо, крикнула мне:

– Ты девчонке той спасибо скажи. Выручила. А тебе за водку спасибо. – Вернулась к ним. Села в машину, и отчалили они всем скопом.

Утро ожидалось быть нервным. Сейчас пожалуются «мамке». «Мамка» – крыше. Крыша прикатит ко мне с разборками, я звоню своей крыше, и... день жизни псу под хвост. И где там Катастрофа? Уработала фраера насмерть, что ли? Только подумал, глядя на злополучный МАЗ, дверь приоткрылась, и оттуда выскользнула Катастрофа собственной персоной. Пошла почему-то не в будку ко мне и не на выход, а напрямиком в баню.

Ждал. Минут через десять вышла. Поднялась в будку.

– У тебя все нормально?

– Да. Уснул он. Утомился, – без удовлетворения победой тихо она так сказала.

– Чай будешь?

– Если нальешь.

– Налью. Мне самому шары продрать надо. Счас понаедут сутенеры, рулилы, все отоспавшиеся, все свежие. – Разговор на этом иссяк.

Молча дождались кипятка, молча заварил чай. Переждав положенное время, разлил чай по кружкам, разломил бывший тут же шоколадный батончик, половину протянул ей. Стали пить чай. Два забытых всеми человека под вялотекущим дождем.

«Рулилы» прибыли быстрее ожидаемого. Мы только чай закончили пить. Две машины. Сверху было видно, «мамкина» легковушка и БМВ дурацкого голубого цвета. Из «бэхи» вывалились два крепыша и покатались к крыльцу. Матерясь на грязь под ногами, разбудили собаку, мирно спавшую в своей конуре. Та со служебной злостью и рвением преградила им путь. Пошел общаться...

Загнав собаку в ее конуру, прикрыл ее. Подошел к калите.

– Заходите, хлопцы, – повернулся и пошел к себе, шибко не печалась о том, что повернулся к ним спиной. Парняги затопали следом.

Разговор не задался сразу. Парняги был просто «торпеды». Большие и не очень умные.

– Слышь, ты. Че у тебя тут творится? За бабье порченное отвечать придется. Они теперь без работы неделю сидеть будут. А за такой прогон платить надо.

– Слышь-ка, мил человек, я тебе знаком? Или я с тобой в песочнице в детстве играл? Что ты мне ТЫЧЕШЬ тут? Я по четвергам твою маму трахаю, после того как в преферанс поиграю? А? Ты в первый раз видишь человека, а жало свое поганое за зубами держать не научился. Наверно, лишние. Ты мне лично предъяву кидаешь? Кипятком давно не ссал? Ваши шлюхи были сданы в аренду до утра – е... тся! Слово могу повторить еще разок, если глуховаты – е... тся! С них, шалашовок, даже волос не упал, пусть будут довольны, что обошлось. А за предъяву не по адресу, по рогам можно получить.

Парни опешили. Как не опешить? Стоит мужик, злой, небритый, после недосыпа мятый какой-то, в лагерной телогрейке, и страха перед ними – ноль. Еще и огрызается. Да и по масти кто знает?.. Морда тоже хороша – сломанный нос, уши битые, пару видимых четко на лице шрамов...

– Ты тоже за базаром следи, а то приложим, плохо не покажется... – один все-таки решил идти дальше тем же макаром.

– А ты рискни, падла, если духу хватит.

Если бы парняги пошли в атаку, долго бы не продержался, даже полраунда. То, что потом их бы уработали, мне бы на тот момент вряд ли помогло.

– Ладно. Забудем. Нам того бы фуцмана, кто девок заставлял гайки крутить, повидать, – у одного ума оказалось больше, чем у напарника.

– Ему наши подъедут предьявят.

– Тут спецов загрузить на бабки без вас хватает.

Рассказывать правду о случившемся я никому не соби-
рался. Лишняя возня и хлопоты. Правда, парням говорить
об этом был не намерен.

– Так бы и сказал ясно, делиться хлебом с маслом никто
не станет. Вы нам его позже отдайте, как отъедет.

– Я у своих спрошу. Как решат, так и будет.

Парни переминались, не зная, что делать дальше. Нахра-
пом, как привыкли, ничего не получилось. На лицах были
видны проблески раздумий. Помогать в размышлениях я им
не спешил. Но и торчать им у меня в будке было не место.

– Ладно. Днем подъедете, порулитесь с кем надо, я опов-
ещу.

– Шлюх вам больше на стоянку посылать не будем, если
такие дела на тормозах спустите.

– Не тебе и не мне решать. Пока пацаны... – более ми-
ролюбиво решил закончить разговор. – «Мамку» пришлите
наверх.

Парни, топоча слониками, пошли вниз.

Через пару минут поднялась «мамка». Лет сорока, ухо-
женная, видно сразу, «низом не рабатывала», назначенная.
В такой жалости нет. Только деньги.

– Слышь, любезная, твои олухи сказали, что больше де-
вок сюда посылать не будешь. Мне телефон твой выкинуть
али как?

Вопросы экономики в таких делах превалируют над этикой и справедливостью.

– Нехорошо получилось, – констатировала она. – Но ведь разберемся? Как без этого? Разобраться бы надо, а то девочки бояться начнут, – она не торопясь стала высказывать свою точку зрения на видимую со своей стороны проблему. – Они ведь работать приехали по-человечьи, развеять одиночество мужское, а им – в жопу давайте! Без церемоний, – продолжила разглагольствования она.

– Ты правила помнишь. Все «изыски» за отдельную плату. И такса на это есть. Не хрен было ломаться, обговорили и... работайте!

– Они еще свежие, неопытные. Тоже понять надо.

– Мне понимать? Или мужикам, которые деньги заплатили? Они – шлюхи! И для меня, и для шоферов. Ты фраерам это прописывай, кто ничего слаще морковки не видал.

– А она? – она кивнула в сторону Катастрофы. – Она кто? Она без крыши работает?

– У меня денег хватит тебя купить вместе с твоими девками, – Ленчика голос был спокоен, она даже не глядела в сторону говорившей, все смотрела в окно невесть на что... Это на «мамку» произвело большее впечатление, чем, возможно, склочный ответ.

Разговор ни к чему не вел. Молча приподнял стекло, лежащее на столе, достал листок с написанными на нем телефонами, взял авторучку, намереваясь вымарать часть текста.

«Мамка» сообщала быстро:

– Ты погоди. Все решается. Не торопись. Ты ведь сам нестарый, может, и тебе когда помощь от одиночества понадобится. Договоримся. Ты, насколько наслышана, к девкам ни разу яйца не подкатывал. Если брезгливый, я хорошую для тебя пришлю. Или, может, тебе девки не нужны? Может, мальчиками интересуешься? Устроим...

Подошел к ней. Наклонился к ее лицу и, сделав свирепую морду, переспросил:

– Ты это мне мальчиков предлагаешь?

Ждал. Не растерялась:

– Вот теперь вижу, что хорошую бабу тебе послать надо, с гонором чтоб. А телефон оставь. У некоторых девок детки есть, не доводи до бескормицы.

«Мамка» давила на жалость, забыв или не зная, что слово «бескормица» применимо к зверю лесному или к скотине – хозяйкой... Постоял, делая вид, что думаю. Не торопясь положил лист туда, где взял, – под стекло.

– Ты бы нам сказал, куда он путь держит, мы бы его на трассе приняли.

– Мне он не докладывался. Да и вряд ли после вчерашнего скажет. У таких чуйка на облавы, спрошу – тем паче сквозанет.

– Он с утра на четвертую базу на погрузку встанет. Груз у него до Уфы, – Ленчика голос был спокоен и невпечатляющ. Просто сказала вслух, ни к кому конкретно не обраща-

ясь.

– А кто за дорогой до Уфы смотрит? – дама была отнюдь не дура. Тематику понимала.

– Зайцевские. Они по порожнякам с тобой болтать не будут.

– У меня всегда есть чем порадовать реальных пацанов, – она рассмеялась своей же шутке. Повернулась уходить, видимо, передумав, развернулась, будто вспомнила. – А ты звони. Я добро помню, хорошую пришло, жалеть не придется, – и тут же переключилась на Катастрофу: – Девочки говорят, ты выручила. Спасибо, коли так. Если надумаешь поработать, да хотя бы за-ради удовольствия, есть клиенты, за такую, как ты, двумя руками вцепятся. Телефон на столе.

Отплыла. «Артистка», – подвел итогом мой мозг. Компания отъехала.

В окно увидел шагавшего по грязи сменщика. Когда тот поднялся, по-быстрому сдал журнал, кассу, распространяться насчет случившегося не стал. Не сторожа это дело. Если что, все равно с него спросят. Собираясь домой, сменил телогрейку на кожанку.

– Ты, Ленчик, остаешься?

– С чего бы это... я с тобой на выход.

– Тогда пошли.

Утро было серое из-за все еще накрапывающего противного дождика. Какое-то время шли молча в сторону остановки.

– Ты все еще один живешь? – вопрос Ленчика не излучал любопытства. Так, между прочим заданный...

– Мне пока и одному хорошо.

– Надолго?

– Кто знает.

– Если я к тебе на пару дней заселюсь, не будешь против?

– Тогда нам через магазин. У меня дома с провиантом не очень.

– Все одинокие мужики живут студенческой жизнью, жрут, как тараканы, что ни попадя, и ничего им за это не бывает...

– Может, ты и права...

Уже прошли остановку, магазин был посередине пути.

– Давай я сама зайду. А то ты купишь невесть чего...

– Хорошо.

Устал. Спорить даже в шутку не хотелось. Стоял. Ждал, пока выйдет. Встретил у порога магазина, отобрал туго набитый пакет, второй, полупустой, не дала, просто отстранив руку. По пути еще была аптека.

– Мне еще сюда заскочить надо. Извини...

– Давай.

Ждал безропотно, апатично жалея женатиков с их походами по магазинам. Выскочила быстро, видно, с утра болящих в очереди не было.

– Теперь все.

Дом уже был виден. Дошли быстро. Поднялись на пятый

этаж, где и обитал. Комната в общежитии. Угол собственного благополучия. Зашли. Огляделась. В холостяцком быту все на виду.

– Ты иди в душ, что ли... я поесть приготовлю. Не переживай, я найду, что надо. Иди.

Взял необходимое для душа. Ушел. Не торопился. Вернувшись в комнату, Ленчика там не обнаружил. Пошел на кухню. Варила пельмени.

– Быстрее для голодного мужика цивилизация ничего не изобрела.

– Эт точно, – только и оставалось подтвердить сказанное.

– Хватай кастрюлю, готово.

Подхватил протянутым полотенцем, понес. Идя впереди меня, распахнула дверь в комнату. Зашли. На столе уже лежала приготовленная ею заранее доска. Почему-то не удивился ее предусмотрительности. Голова от недосыпа была ватная, остро не отображающая действительность. Поставил кастрюлю. Присел за стол.

Она стала доставать из холодильника майонез, соус, банку каких-то, видно, ею купленных огурчиков. Затем ложкой стала вылавливать пельмени из кастрюли и класть их в тарелку, приготовленную для меня. Шумовки в моем доме отродясь не было. Когда все было готово, из холодильника достала водку.

– Открой сам.

– А если я не хочу?

– Тебе надо. Мне – нет. А тебе в самый раз.

Налил в стакан, выпил. Сморщился, на голодный желудок вкус показался металлически-кислым. Стал есть.

– Ты чего себе не положила?

– Мне пока не хочется. Я позже...

– Как знаешь. Могла бы составить компанию, что я тут кишкоблудствую, а ты на это смотришь.

– Мне не в напряг.

Налил еще. Открыла огурцы.

– Я для огурцов посуды не нашла. Может, так – из банки закусишь?

– Из банки так из банки...

Достал вилкой огурец. Выпил. Закусил. «Обыденность ритуала пьющего человека», – мысль сложилась в дурацкую фразу. Доедал молча. Молчала и она. Еще раз налил, выпил, закусил...

– Не знаю, как ты, мне бы поспать.

– Ты знаешь, я тоже не против поспать. Только помоги мне сначала, потом спать ляжем.

Она дотянулась до стоящего невдалеке пакета. Стала там копаться, выискивая что-то, нашла и достала. Тюбик, что-то там, чего я пока не мог разглядеть, и пачку тампонов. Затем, взяв все это, отошла к кровати.

– Отвернись, я разденусь.

Я отвернулся. Слышно было, как она раздевалась, кровать пискнула слабеньким скрипом. Я подумал: «Весу в ней...»

– Подойди.

Подошел. Я никогда не видел ее волосы, они были шикарные: волнистые, каштановые, переливчатые, и, если бы она стояла, скорее всего, были бы ниже талии. Она всегда была в головных уборах: беретах, шляпках, косынках... Теперь я понял, почему мужики были от нее в отпаде. Эти волосы делали сближение с ней еще насыщеннее. Но звала она его не за этим...

Ее тело... тело было покрыто синяками. Шея, ее маленькие крепкие груди, плечи, в некоторых местах ребра и внутренняя часть бедер. Кровоподтеки были свежие, они уже не были малиновыми, их цвет стал переходить в синеву. Мне вдруг стала противна моя сытость пельменная, легкий водочный хмель, мне стал противен я сам. Я понимал, сейчас придет момент ярости от безысходности происшедшего.

– Помоги, – она протянула тюбик, – мне одной не справиться.

Сел рядом, взял протянутый тюбик, прочел: «Экстракт бодяги», понял, зачем тампоны в таком количестве.

– Дрянь это.

– Другого ничего нет.

Встал. Подошел к холодильнику. Бывал бит не раз. В последний чуть не лишился глаза, сапогами так отделали, даже в больнице не могли открыть, посмотреть, останется ли цел. Месяц лежал дома, отмачивал медвежьей желчью, знакомый браконьер, узнав о невезухе такой, с оказией доставил. Все

не издержал, еще оставалось. Выдавил остатки прямо в начатую бутылку водки, взболтал хорошенько. Вернулся к кровати и стал понемногу смачивать ладонь и втирать в места посинения. Злость нарастала, уже жалел, что не стал развивать конфликт в тот вечер, что спокойно смотрел на сволочь, которая позволяла себе куражиться там, на стоянке. Она, наверно, почувствовала эту злость.

– Ты не злишь понапрасну. Его уже не догонишь. Он после нашего ухода, наверно, по все газам и в отрыв ушел. Ушлый дядька.

Молча продолжал втирать желчь в покалеченное ее тело.

– Жжет, – она закрыла глаза, когда добрался до бедер. – Я у него все деньги взяла.

– Зачем? Тебе же не нужны.

– Его бы все равно ловить стали. За девчонок. Откупился бы, а так, без денег, вряд ли... Они ему уже не понадобятся. Я же его катастрофа, – она заплакала.

Взял махровую простынь, накрыл ее. Все пропахло водкой. Она плакала. Молча сидел какое-то время рядом. Затем встал и вышел. Спустился на вахту к телефону. Набрал номер стоянки. Ее слова подтвердились. Мужичок после их ухода по-быстрому прикрутил открученные девками гайки, рассчитался и был таков... «Сволочь», – произнес вслух. Легче от этого не стало. Вернулся. Она уже успокоилась и не плакала.

– Я там еще водку брала, в холодильнике. Ты выпей.

- Ты меня что, напоить хочешь?
- Тебе поспать надо. Успокоиться.
- Ты дома-то что скажешь?
- Когда попаду домой, там и решится.

Видно, водка делала свое дело. Клонило в сон. Подошел к кровати.

– Если тебе не будет больно, подвинься. Лягу. Больше некуда. Через пару часов толкни, опять втирать будем.

Она подвинулась. Я лег рядом на спину, закрыл глаза и уснул.

Она толкала меня в бок, я это чувствовал. Легонько, боясь делать это сильно. Открыл глаза и вспомнил все и сразу. Пошел к столу, взял разведенную желчь, вернулся, откинув с нее простыню, стал методично втирать желчь на уже посиневшие кровоподтеки. Закончив, молча поставил бутылку рядом с кроватью, прикрыв ее, вновь лег рядом и уснул.

Следующий раз почти не отличался от предыдущего. Правда, за окном засверкало солнышко и комната осветилась своей холостяцкой неприглядностью.

В третий раз добрался до холодильника, достал и открыл водку, налил, выпил. Отгрыз огурец, вышел в коридор, постоял там, вернулся и вновь лег. Когда стало темно, обнаружил, что водка закончилась. Опьянения как такового не было. Была тупая апатия.

Она встала.

– Мне надо в туалет.

Дал халат, оставшийся от какой-то из бывших, приходивших налаживать свою жизнь. Халат был большой, она укуталась в него, но по размеру ее можно было спокойно завернуть в него дважды.

– Другого нет, – только и оставалось мне сказать.

– Да и ладно.

Когда вернулась, я уже одевался.

– Водка кончилась, я – мигом. Не теряй.

– Ты, главное, до следующей процедуры вернись. Ты теперь лечащий врач, – она пыталась шутить. Она боялась вернуться домой, она была насыщена болью, она жила этим днем, не зная, как будет жить с этим дальше. Она пыталась шутить...

Взял пять бутылок. Чтоб не ходить. Пил. Чем-то там закусывал, втирал в ее тело новую порцию лекарства. Воздух был пропитан спиртом, казалось, что пьянел больше от запаха, чем от выпитой водки. Она будила, когда требовалось. Я послушно делал свое дело, при этом тупо наливал себе водки, пил и опять засыпал до следующего пробуждения. Затем водка кончилась. Когда это случилось, стал одеваться.

– Хватит, – только и сказала она. – Уже хватит.

Была она все в том же уродующем ее халате, волосы собраны в какое-то подобие прически.

– Тебе звонили со стоянки. С вахты приходили, потеряли. Сказали, как объявишься, позвонить. Пойду чай ставить, будешь чаем отпаиваться.

– Ты-то как сама?

– Уже лучше. Синяки пожелтели, еще пара-тройка дней – и совсем пройдут.

Ушла вместе с чайником. Вернулась уже с кипятком. Заварила чай. Достала кружки разные, какие нашла. Стали пить чай. Молча. Каждый думал о своем. Спокойствие чаепития прервал стук в дверь. Я даже не шелохнулся, продолжал пить чай. «Кому надо, после стука и так зайдет». Дверь приоткрылась. Сначала влезла все оглядевшая голова, затем и ее хозяин. Один из бывших стояночных «директоров». Он был до него, и у него я и принимал стоянку.

– Приветик. Я звонил дважды. Ты не перезваниваешь. Дай, думаю, проведу, может, случилось чего.

– Все нормально, Санек. Заходи, как раз к чаю поспел.

– Ой, и Ленчик здесь. Тогда ясно, почему нет – Катастрофа, – глупо хохотнул, садясь за стол.

– Что тебе ясно? Ты че приперся-то?

– Не кипишуй. Все по порядку. Менты приезжали, опера. Дважды. Ищут тебя. Значит, директорство твое подходит к концу. Как бы то ни было, дела сдавать все равно надо. Можешь опять нырнуть в сторожа, скажешь: «Проворовался, теперь отрабатывать буду». Можешь в другую точку уйти или курьером по лагерям «дачки» развозить. Твой опыт в дальнобойке еще поискать надо. За работу не колпачь, ты без работы не будешь – не маляр, не слесарь, – опять глупо хохотнул. – «Мамка» тут на верха совалась, чего-то ееным

девкам не то сделали. Правда, разговаривать с нею никто не стал, не того поля ягода. На стоянку приехали, поспрошали шоферов, никто толком ничего вразумительного не сказал. Пока выясняли, что и как, узнали, сунулась «мамка» к зайцевским с деньгами да с конкретикой подгрузить одного беспредельщика. Те дурни и помчались следом. На перевале хотели его подрезать и к обочине прижать, он их машину просто в пропасть столкнул, да и сам не удержался и с МА-Зом своим следом... Парни выжили, из него, говорят, мешок с костями получился, будто костоломы трудились. Теперь и «мамкины» претензии вроде как не подтверждаются. Такие вот дела...

Ленчик поставила на стол чашку и под благодушный Сашкин треп молча вышла. С лица не изменилась, не ахала, не охала, вышла, и все... Через какое-то время вернулась.

– Саня, ты, может, выйдешь ненадолго, мне одеться надо.

– А чего одеваться-то? Я еще пять минут и отвалю, только чай допью.

– За мной, Саня, приедут. Мне еще накраситься надо.

– Пошли, Санек. Покурим...

– Ты ж не куришь.

– Да и ты тоже...

Вышли. Стояли ждали, пока позовет обратно.

– Ты это, если из-за меня она домой засобиралась, то зря, я – могила!

– Болтун ты, Саня, не могила. Ее уже, наверно, дома по-

теряли, она уже больше трех дней отсутствует.

– А... ну тогда ладно.

Дверь приоткрылась.

Ленчик сказала:

– Возвращайтесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.